

Е.П.Блаватская

Загадочные племена. Три месяца на «Голубых горах» Мадраса¹

Несколько слов предисловия

Недавно одна большая лондонская газета делала саркастические замечания о том, что русские ученые, а русская публика тем более, имеют весьма смутные понятия об Индии вообще и о ее народностях в частности.

На эту новую британскую «инсинуацию»² каждый русский мог бы, при случае, задать первому встречному англо-индийцу такой вопрос:

«Позвольте полюбопытствовать: много ли и что именно вы сами знаете о большей части подвластных вам народов Индии? На чем, например, порешили ваши лучшие этнологи, ваши знаменитейшие антропологи, филологи и статистики свой полувековой спор насчет словно с неба свалившегося таинственного нильгирийского³ племени тоддов⁴? Что известно вашему Королевскому Обществу⁵, – хотя члены его вот уж около полустолетия из кожи лезут, чтобы выяснить этот вопрос, – о загадочных племенах “Голубых гор”?.. О страх наводящих, ужас внушающих карликах, именуемых мулу-курумбами⁶? О янади⁷, кхоттах⁸, эруллахах⁹, бадагах¹⁰: то есть о пяти племенах Нильгири и о десятках других, менее таинственных, но столь же мало приведенных в известность больших и малых племенах, живущих на других горах?..»

В ответ на все эти вопросы, если, паче чаяния, британец почувствует себя в припадке честной откровенности (проявление в нем весьма редкое), оклеветанный русский ученый и путешественник может услышать следующую неожиданную исповедь:

«Увы, мы ровно ничего о них не знаем. Существование их нам известно потому, что мы встречаем их, часто бьем и колотим, а подчас и вешаем, но с другой стороны, мы не имеем ни малейшего понятия ни о происхождении, ни о языке большинства этих дикарей, менее всего о нильгирийцах. Наши англо-индийские, как и отечественные ученые, чуть не сошли с ума на одних тоддах! Поистине, это племя составляет загадку этнологов нашего века и, как кажется, загадку

Печатается по: *Радда-Бай*. Загадочные племена. Три месяца на «Голубых горах» Мадраса // Русский вестник, 1884, №12; 1885, №1–4.

Публикация, подготовка текста и комментарии А.Д.Тюрикова.

Перевод с французского Е.А.Бобровой.

¹ Письма из Индии, печатавшиеся при *Русском вестнике* под общим заглавием: *Из пещер и дебрей Индостана*, приостановились вследствие поездки автора в Нильгири и затем в Европу. Между тем, от того же автора получено нами особое сочинение, которое начинается печатанием с этой книжки *Русского вестника*. – *Примечание редакции журнала «Русский вестник»*.

См.: *Радда-Бай*. Из пещер и дебрей Индостана. Письма на Родину. Первая часть // Русский вестник, 1883, №1–7, Приложение.

² Инсинуация (*лат.* insinuatіo вкрадчивость, заискивание) – злостный вымысел, внушение негативных мыслей, тайное подстрекательство, нашептывание, преднамеренное сообщение ложных отрицательных сведений (или даже клеветническое измышление), выставление мыслей и поступков своего противника в таком свете, который может ему навредить и имеющее целью опорочить кого-либо исподтишка, подаваемое намеком (т.е. не прямо, а косвенным указанием на факты и обстоятельства) или тайно.

³ Нилгири (*тамилский* «голубые горы», *англ.* Nilgiri) – горный массив в штатах Тамилнад и Керала на юге Индии.

⁴ тоддов (*англ.* Toda).

⁵ Лондонское королевское общество по развитию знаний о природе, в просторечии Королевское общество – ведущее научное общество Великобритании, одно из старейших научных обществ в мире, создано в 1660 г. и утверждено королевской хартией в 1662 г.

⁶ *Англ.* Kurumba.

⁷ янади (*англ.* Yanadi).

⁸ коттах (*англ.* Kota).

⁹ ирулах (*англ.* Irula).

¹⁰ бадагах (*англ.* Baduga).

неразрешимую. И не только для нас, европейцев, но и для самих индусов, прошлое этого крошечного численностью племени покрыто непроницаемой завесой вековой тайны... Все в нем необычайно, своеобразно, непонятно, необъяснимо! Все как было с первого дня, когда мы нежданно-негаданно наткнулись на него, так и осталось до сего дня загадкой сфинкса!..»

Так ответил бы всякий честный англо-индеец русскому. Так ответил мне один английский генерал¹¹, – о котором упомянем еще не раз далее, – на мои расспросы о тоддах и курумбах.

«Тодды! Курумбы! – почти закричал он, придя в азарт. – Тодды почти свели меня с ума одно время, а мулу-курумбы доводили меня не раз до белой горячки! Как и почему, узнаете после. Но слушайте. Если кто из наших правительственных идиотов (*dunces*) скажет вам, что он хорошо знает и даже изучил тоддов, то скажите ему от меня, что он хвастает и лжет. Этих племен никто не знает. Их происхождение, религия, язык, обряды, предания – все это *terra incognita*¹² для ученого, как и для профана... А их удивительная “психическая сила”, как ее называет Карпентер¹³, их так называемое колдовство и дьявольские чары, кто может нам растолковать эту силу? Это непонятное, ничем необъяснимое их влияние на людей и зверей; у тоддов – к добру, у курумбов – ко злу, кто может разгадать, показать нам, что это такое, какая это сила, которою они орудуют по своему усмотрению? У себя дома мы, понятно, смеемся над нею и их претензиями. Мы не верим в магию и называем веру в нее туземцев суеверием, ерундой. Мы и не посмеем ей поверить. Во имя нашего расового превосходства и всеотрицающей цивилизации мы обязаны отвертываться от такой чепухи. И однако же *наш закон признает фактически эту силу*, если не в принципе, то в ее проявлениях, наказывая обвиняемых в ней под разными замаскированными предложениями и пользуясь многими лазейками нашего законовещения... Этот закон признал и самих колдунов, повесив вместе с их жертвами некоторых из них не только за кровавые, но и за те бескровные, таинственные убийства их, которые никогда еще не были легально доказаны в тех драмах, которые так часто разыгрываются здесь между колдунами Нильгири, с одной, и туземцами долин, с другой стороны...

Да, вы правы; вы имеете основание смеяться над нами и нашими тщетными усилиями, – продолжал он, – потому что, невзирая на все наши старания, со дня открытия этих грязных *магов* и колдунов в трещинах Нильгири (Голубых гор) мы не продвинулись ни на один вершок¹⁴ в разрешении вопросов о них. Более всего нас раздражает эта поистине чародейная в них сила, опровергнуть проявления которой мы не в состоянии, так как для этого нам пришлось бы бороться ежедневно против неопровержимых доказательств... Отвергая объяснения этих фактов туземцами, мы только запутываемся в гипотезах собственного изделия. Отвергая реальность так называемого *колдовства* и *чар* и вместе с тем вешая колдунов, мы просто являемся в нашем противоречии грубыми палачами людей, чьи преступления не только еще не доказаны, но и отрицаются нами в самой возможности... То же самое мы можем сказать и относительно тоддов. Мы смеемся над ними и все-таки глубоко уважаем это загадочное племя... Кто они, что они такое? Люди или гении этих гор, боги под засаленными лоскутьями человечества? Все предположения о них отскакивают, как резиновый мячик от гранитной скалы... Так и знайте вперед, ни о тоддах, ни о курумбах вам ничего верного не скажут ни англо-индийцы, ни сами туземцы, а не скажут потому, что они сами ровно ничего о них не знают, да никогда и не узнают...»

Так говорил мне нильгирийский плантатор, отставной генерал-майор и судья на Голубых горах, отвечая на все мои вопросы об интересующих меня давно тоддах и курумбах. Мы стояли против скал «Озера», и когда он замолчал, долго еще слышали, как горное эхо, пробужденное его громким голосом, повторяло насмешливо и замирая: «Не уз-нают... не уз-нают!»

¹¹ Генри Родес Морган (1822–1909) – генерал-майор англо-индийской армии, президент Теософского общества Доддабетта.

¹² незнакомая область (*лат.*).

¹³ У. Карпентер – известный физиолог. – *Примечание Е. П. Блаватской.*

Вильям Бенджамин Карпентер (1813–1885) – английский естествоиспытатель, медик, зоолог и физиолог, критиковал психические исследования и спиритуализм.

¹⁴ Вершок – старорусская единица измерения, равная 4,445 см.

А ведь действительно, интересно было бы узнать! Такое открытие касательно тоддов было бы, пожалуй, позанимательнее даже нового открытия о десяти потерянных племенах Израиля, которые «Общество отождествления»¹⁵ вдруг нечаянно и негаданно открыло теперь в англичанах.

А теперь дадим пока, что знаем. Но прежде мы должны сказать несколько слов.

Избрав в этих заметках главными героями тоддов и мулу-курумбов, мы чувствуем, что вступаем на опасную для себя почву, почву нежеланную и нелюбимую ни европейскими учеными, ни неучеными европейцами, менее же всего желающею угодить массам печатью. Всем нам ведомо, как упорно она чурается всего, что близко ли, далеко ли напоминает читателям о «духах» и спиритизме. Но говоря о Голубых горах и их странных племенах, нам совершенно невозможно умолчать о том, что составляет их главную и самую выдающуюся характеристику.

Нельзя, описывая совершенно своеобразный уголок земного шара, а главное, его загадочные, ни на кого другого не похожие племена, выкидывать из рассказа то, на чем вся их бытовая и религиозная жизнь построена. По крайней мере, сделать это в отношении к тоддам и курумбам также немыслимо, как ставить на сцене *Гамлета*¹⁶, выкинув из пьесы¹⁷ принца Датского. Тодды и курумбы рождаются, растут, живут и умирают в атмосфере колдовства. Если верить рассказам туземцев и даже старожилов на этих горах из европейцев, то эти дикари находятся в постоянном общении с невидимым миром. Поэтому, если в этой гирлянде географических, этнологических, климатических и многих других аномалий природы наш рассказ станет, развиваясь, перемешиваться, как пшеница с плевелами, со всяческою, извиняюсь за выражение, чертовщиной или с аномалиями человеческой природы в области трансцендентальной физики, то вина в том, право, не наша. Зная, как эта область не жалуета гг.¹⁸ естественниками, мы бы душевно были рады осмеять, как они, все места, как далекие, так и «не столь отдаленные», этой нелюбимой страны, да совесть не допускает. Нельзя братья описывать совсем новые племена мало кому известные расы, не затрагивая, в угоду скептикам, самой характеристичной, рельефной черты их повседневной жизни.

Факты налицо. Простые ли они последствия ненормальных и чисто физиологических явлений, по излюбленной теории медиков, или же результаты проявлений (наверное, столь же естественных) сил природы, которые кажутся науке (в ее настоящем неведении) невозможными и несуществующими и поэтому отвергаются, – для вашего дела это не составляет ни малейшей разницы. Мы заявляем, как уже сказано, только *факты*. Тем хуже для науки, если она еще ничего о них не узнала, а не зная о них *ничего*, все-таки продолжает называть их «диким абсурдом», «грубым суеверием» да бабьими сказками. К тому же, притворяться неверующим и смеяться над верой других в то, что сам признаешь за доказанные реальные явления, не допускающие ни малейшего сомнения, не есть дело ни честного человека, ни аккуратного рассказчика.

Насколько мы лично верим в так называемое колдовство и «чары», покажут следующие страницы. Есть целые группы явлений в природе, которые наука не в состоянии разумно объяснить, указывая на них как только на нечто проистекающее из действий одних химических и физических мировых сил. В материю и силу наши ученые верят, а в жизненный принцип, отделенный от материи, не желают верить, хотя, когда мы учтиво просим их объяснить нам, что такое, в сущности, эта *материя* и что такое заменившая ее теперь *сила*, то наши величайшие просветители становятся в тупик и говорят нам: «Не знаем».

Так вот, пока им еще известно об этих трех предметах так же мало, как англо-индийцам о тоддах, мы попросим читателя сначала вернуться с нами за более, нежели полстолетия назад. Мы предлагаем ему послушать нашу сказку-быль о том, как впервые напали на существование Нильгири (Голубых гор), ныне мадрасского Эльдорадо. Как там нашли никому до того неизвестных великанов и карликов, в коих может быть усмотрено русскою публикой полное сходство между ее отечественными ведьмами и знахарями, а может кое-что еще и похуже.

¹⁵ *Identification Society of London*, имеющие своим предметом вопрос о «потерянных племенах»; общество чрезвычайно богатое и один из курьезов Англии. – *Примечание Е.П.Блаватской*.

курьезов (*устар.*).

¹⁶ «Гамлет» – трагедия поэта и драматурга У.Шекспира (1564–1616).

¹⁷ пьесы (*устар., фр. piесе*).

¹⁸ господами.

Вдобавок ко всему этому, из этой сказки-были читатель узнает, что есть в индийском поднебесье такая чудная страна, где на высоте 8000 футов¹⁹ в январе месяце люди ходят в одних кисейных покроях, а в июле часто кутаются в теплые шубы, хотя эта страна находится всего в 11 градусах от экватора. Так приходилось поступать и нижеподписавшейся, тогда как под ногами у нас 8000 ниже постоянно стояло (по Фаренгейту) 118 градусов жары²⁰ в *прохладной* тени самых густых деревьев.

Радда-Бай.

Уттакаманд²¹ (Голубые горы), 9 июля 1883 года.

¹⁹ Фут – единица измерения длины в английской системе мер, равная 0,3048 м.

8000 футов = 2440 м.

²⁰ 48° С.

²¹ Уттакаманд (Удагамандалам, Утакамунд, Ути, *англ.* Ooty, Ootacamund) – город в Индии, штат Тамилнад, административный центр района Нилгири.

Глава I

в которой два Немрода²² отправляются на охоту за «богами», а натываются вместо них на боа-констриктора²³ и на бробдигнагов и лиллипутов²⁴.

У лукоморья дуб зеленый,
Златая цепь на дубе том.
И днем и ночью кот ученый
Все ходит по цепи кругом...
Идет направо – песнь заводит,
Налево – сказку говорит²⁵...

Ровно шестьдесят четыре года тому назад, то есть в конце 1818 года, в сентябре месяце, недалеко от Малабарского берега Южной Индии и всего в 350 милях от дравидского²⁶ пекла, именуемого Мадрасом, было случайно сделано самого неожиданного характера открытие. До такой степени оно показалось тогда всем странным, даже невероятным, что в первое время ему никто и не поверил. Мгновенно возникли легендоподобные, запутанные и совершенно фантастические слухи, сперва в народе, а затем распространились и выше. Но когда они проникли в местные газеты и превратились в официальную действительность, то лихорадка выжидания перешла у всех в полное горячее состояние...

В медленно шевелящихся и вследствие жара почти атрофированных от бездействия мозгах англо-мадрасцев произошла молекулярная пертурбация, говоря языком известных физиологов. Все, за исключением лимфатических *мудильяров*²⁷, соединяющих в себе темпераменты лягушки и саламандры, закопошилось, зашевелилось и громко забредило о некоем чудно прохладном Эдеме в самых недрах Голубых Холмов²⁸, открытом будто бы двумя удалыми охотниками. По сведениям последних, там земной рай: благоуханные зефира²⁹ и прохлада круглый год; страна над вечными туманами Куимбатура³⁰, в которой шумят величественные водопады, стоит от января до декабря вечная европейская весна; цветут дикие саженьные³¹ розы и гелиотропы; благоухают в кувшин величиною лилии³², и где свободно разгуливают, судя по их громадной величине, допотопные

²² Нимрод (Немрод, Немврод) – в Пятикнижии, агадических преданиях и легендах Ближнего Востока герой, воитель-охотник и царь.

²³ Обыкновенный удав (*лат.* Boa constrictor) – неядовитая змея из подсемейства удавов семейства ложноногих, в длину достигает 2–3 м в неволе и до 4–4,5 метра в природе.

²⁴ бробдигнагов (*англ.* Brobdingnag), лиллипутов (*англ.* Lilliput).

Отсылка к сатирико-фантастическому роману писателя и философа Джонатана Свифта (1667–1745) «Путешествия Гулливера». В этом романе: Бробдигнаг – страна великанов, Лиллипутия – страна маленьких людей.

²⁵ Строки из поэмы А.С.Пушкина «Руслан и Людмила».

²⁶ Дравиды – народы, населяющие Южную Индию.

²⁷ Мудильяр (*англ.* Mudaliar) – название, используемое людьми, принадлежащими к различным тамильским кастам.

²⁸ Перевод со слова «Нильгири», составленного из двух санскритских слов: *Нилам* – «голубой» и *Гири* – «горы», или холм, так названные от яркого голубого цвета этих гор, как они представляются глазам жителей из долин Майсура и Малабара. – *Примечание Е.П.Блаватской*.

²⁹ Зефир (*др.-греч.* Ζέφυρος западный) – теплый и влажный западный ветер, дующий с побережья Атлантического океана; устоявшееся в русской традиции наименование западного ветра.

³⁰ Как полагают, вследствие сильного зноя и болотных испарений местности туман расстилается на высоте от 3 до 4000 футов над морским уровнем и вдоль всей цепи Куимбатурских гор – постоянный голубой туман, чрезвычайно замечательного яркого цвета, который и превращается во время муссонов в дождевые тучи. – *Примечание Е.П.Блаватской*.

Коимбатур (*англ.* Coimbatore) – город на юге Индии, в штате Тамилнад, административный центр одноименного округа, окружен Западными Гхатами с севера и запада, к северу от города также находится биосферный заповедник Нилгири.

3000–4000 футов = 910–1220 м.

муссонов (*англ.* monsoon).

³¹ Сажень – старорусская единица измерения расстояния, равная 2,13 м.

³² Это не преувеличенное описание самой, быть может, замечательной в мире флоры. Кусты роз всех цветов вырастают в высоту домов и покрывают крыши, как и род гелиотропа, который достигает до двадцати футов; но

буйволы и обитают гул[д]иверовские бробдигнаги и лиллипуты. Каждая долина, каждое ущелье этой чудной индийской Швейцарии представляет замкнутый от остального мира уголок земного рая, и пр.

От этих рассказов у «высокочитимых» отцов Ост-Индской компании проснулась сонная и не менее мозгов атрофированная печень и потекли слюнки. В первое время никто не знал, где именно были открыты такие чудеса, ни куда, ни как ехать за столь заманчивою в сентябре прохладой. Наконец «отцы» решили, что следует подкрепить открытие официальным путем и прежде всего узнать, что такое именно открыто. Охотников пригласили в Главную контору Президентства и тогда узнали, что близ Куимбатура произошло следующее.

Но, во-первых, что такое Куимбатур?

Куимбатур – главный город уезда этого имени, а самый уезд находится милях в трехстах от Мадраса, столицы Южной Индии, и знаменит во многих отношениях. Во-первых, он был обетованною землей для охотников на слона и тигра, как и на более мелкую дичь, так как этот уезд, вдобавок к другим прелестям, славится своими болотами и дремучими лесами. Почувяв смерть, слоны почему-то всегда уходят из чащи лесной в болото. Там они залезают в глубокую тину, где и приготавливаются спокойно к *нирване*. Вследствие такой замечательной привычки болото изобилует их клыками, и слоновая кость добывается (или, скорее, добывалась во времена оны) довольно легко.

Говорю, «добывалась» в прошлом. Увы, для бедной Индии все с той поры изменилось! Теперь в ней ничего не добывается и никто ничего не может добыть, кроме разве вице-короля, которому вице-королевство доставляет царские почести и сумасшедшие деньги, впрочем, иногда с примесью гнилых яиц от сердитых англо-индийцев. Между «тогда» и «теперь» легла бездна имперского «престижа», поперек которой стоит привидение лорда Беконсфильда³³... Тогда «отцы Компании» добывали, покупали, открывали и сохраняли. *Теперь* вице-королевский совет получает, взимает, отнимает и ничего не сохраняет. *Тогда* «отцы» были круговращательною силой в застывающей крови Индии, которую они хоть и сосали, но иногда и обновляли, подливая новой крови в ее устарелые жилы. *Теперь* вице-король с советом подливают разве только желчи. Вице-король есть центральная точка огромной империи, с которою он не имеет ни симпатии, ни чего-либо общего. «Отцы» если и были в одном смысле бурьяном родины священной коровы³⁴, то были и сочным репейником, кормившим миллионы кротких ослов³⁵. А вице-король – это пышный, искусственно привитый цвет к растению, называемому Индийскою империей, который, истощая силы, медленно убивает самое растение. По поэтическому выражению сэра [а] Ричарда Темпла³⁶, «вице-король – крепкая ось, вокруг которой должно вертеться колесо империи...». Положим, что это и так: только это колесо стало с некоторых пор крутиться с такой бешеною быстротою, что грозит ежеминутно разбиться вдребезги...

Но как тогда, так и теперь Куимбатур славится не только своими лесами и болотами, но считался и считается рассадником проказы, лихорадок и *эlefантиаза*³⁷. Куимбатур, то есть уезд,

самые замечательные из цветов – это белые с одуряющим запахом лилии. Действительно, величиной с графин, они растут в трещинах голых скал отдельными кустами в аршина два, три вышиной, распуская за раз с дюжину цветков. Эти лилии не растут на высотах менее 7000 футов и ниже их нельзя найти. И чем выше, тем они прекраснее, и на Годдоветском пике (около 9000 [футов]) они цветут десять месяцев в году. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

20 футов = 6,1 м.

Аршин – старорусская единица измерения длины, равная 0,71 м.

2–3 аршина = 1,4–2,1 м.

7000 футов = 2130 м.

Гора Доддабетта – самая высокая точка Нилгири (2637 м).

9000 футов = 2740 м.

³³ Бенджамин Дизраэли (граф Беконсфилд, Beaconsfield, 1804–1881) – английский государственный деятель консервативной партии Великобритании, 40-й и 42-й премьер-министр Великобритании (1868, 1874–1880), писатель.

³⁴ То есть Индии.

³⁵ То есть индусов.

³⁶ Ричард Темпл (1826–1902) – британский государственный деятель, губернатор Бомбейского президентства (1877–1880).

³⁷ Эта ужасная и почти неизлечимая болезнь, которая может, впрочем, длиться целые годы, оставляя человека в других отношениях совершенно здоровым, весьма здесь обыкновенна. Начинает сперва пухнуть с подошвы до

носящий это название, скорее ущелье, нежели что иное. Это миль двести в длину и двадцать в ширину бесконечно длинная и узкая полоса земли. Расположенный между Малабаром и Карнатиком³⁸, Куимбатурский уезд врезается острым углом в Анемальские или Слоновые горы³⁹ к югу; постепенно поднимается к высотам Майсура – к северу, а затем, как бы приплюснутый сбоку Западными «Гхатами»⁴⁰ с их дремучими, почти девственными лесами, круто обрывается и исчезает в более мелких *джонглах*⁴¹ лесных племен. То тропическая, вечно зеленая от испарений болот обитель слона и ныне уже вымирающего боа-констриктора. Со стороны Мадраса эта нагорная масса, похожая издали на прямоугольный треугольник, словно прицеплена к другому, еще более громадному треугольнику – к равнинам Декканской⁴² нагорной плоскости, опирающей свою северную оконечность в Виндийские горы (*Vindhya*)⁴³ Бомбейского президентства, а западную и восточную оконечности – в «холмы» Сахьядри⁴⁴ Мадрасского президентства. Эти две разжалованные англичанами в холмы горные цепи составляют точку соединения между Восточными и Западными *Гхатами* Индии. По мере того как Восточные приближаются к Западным *Гхатам*, они начинают постепенно утрачивать свой вулканический характер. Соединясь, наконец, с волнообразными живописными возвышенностями западного Майсура и словно слившись с ними, они окончательно перестают считаться *гхатами* и называются просто холмами⁴⁵.

Обе оконечности этого как бы треугольника возвышаются в Мадрасском президентстве по обеим сторонам, направо и налево, города Куимбатура в виде двух восклицательных знаков. Словно два гиганта-часовые, поставленные природой сторожить вход в ущелье, стоят эти два остроконечные пика, увенчанные зубчатыми скалами на подножии из зеленых лесов и с бедрами, вечно укутанными в облаках да сизых туманах. То остроглавые горы, прозванные в местной англо-индийской географии «Тенерифами»⁴⁶ Индии, Нильгири и Муккартебет⁴⁷. Первый, то есть Годдабет, возвышается на 8760 футов, другой на 8380 футов над морским уровнем.

В продолжение столетий обе эти вершины, особенно от Рангасуами⁴⁸, возвышенности самого грозного издали вида, слыли в народе за горы, недостижимые для простых смертных. Давно уже такая их слава перешла в местные легенды, и вся эта страна считалась в народной суеверии за область священную и потому заколдованную, переступить рубеж которой, даже нечаянно, было бы святотатством, достойным смерти. То-де обитель богов и высших *дев* (див)⁴⁹. Там *сварга* (рай) и там и *нарака* (ад), полный «азуров» и «пизачей»⁵⁰. Таким образом, под охраной религиозного поверья Нильгири и Годдабет оставались в продолжение долгих веков совершенно неизвестными остальной Индии. Тем менее, в те далекие времена «достопочтенной» (*Right Honourable*) Ост-

подколенника одна нога, затем другая, пока обе не превратятся в настоящие бесформенные ноги слона, как видом, так и величиной. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

Слоновая болезнь (слоновость, элфантиаз, элфантиазис) – стойкое увеличение размеров какой-либо части тела (конечности, мошонки) за счет болезненного разрастания кожи и подкожной клетчатки, которое вызывается постоянным застоем лимфы с образованием отека.

³⁸ Карнатаком (*англ.* Karnataka).

³⁹ От слова *ане* – «слон», и потому, вероятно, что с незапамятных времен эти горы изобилуют слонами. –

Примечание Е.П.Блаватской.

Англ. Anamala or Anaimalai Hills, Elephant Mountains.

⁴⁰ *Ghâts* – «горы». – *Примечание Е.П.Блаватской.*

⁴¹ джунглях (*англ.* jungle).

⁴² Деканской (*англ.* Deccan).

⁴³ Виндхья.

⁴⁴ Сахьядри (*англ.* Sahyadri) – Западные Гхаты.

⁴⁵ *Гхата* – «гора», а *гири* – «холм». – *Примечание Е.П.Блаватской.*

Hill (*англ.*) – холм.

⁴⁶ Тенерифе – самый крупный остров в составе архипелага из семи Канарских островов в Атлантическом океане, известен как «остров вечной весны».

⁴⁷ Пик Мукуртхи (*англ.* Mukurthi Peak, 2554 м, 8379 футов).

⁴⁸ Пик Рангасвами (*англ.* Rangaswami peak, 1794 м, 5885 футов).

⁴⁹ Дэва или дэвата (*санскр.* deva) – бог, божественное существо в индуизме.

⁵⁰ *Азуры* – «духи»-певцы, улаждающие уши богов песнями, как *гандарвы* тешат их музыкой; *пизачи* – духи-вампиры. Все они *девы* (дивы) и разделяются на много классов. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

Асуры (*санскр.* asura), *гандхарвы* (*санскр.* gandharva), *пишачи* (*санскр.* piśāca).

Индской Компании, то есть в двадцатых годах нашего столетия, могло прийти в голову кому-либо из европейцев исследовать замкнутую со всех сторон внутреннюю местность в горах; не потому, чтобы кто из них верил в поющих духов, а потому, что, веря в недосыгаемость их высот, никто и не подозревал, чтобы там находились столь прелестные уголки, тем менее кем-либо обитаемые, кроме диких зверей да змей. Редко бывало, когда англичанин-спортсмен или охотник из евразиев, дойдя до подошвы одного из заколдованных холмов, настаивал, чтобы туземный *шикари* (охотник) проводил его на несколько сот футов выше. Проводники-туземцы, как бы сговорясь с *шикари*, очень естественно, под тем или другим предлогом, от этого отказывались. Чаще всего они уверяли «сааба»⁵¹, что далее и идти нельзя; нет-де там ни лесов, ни дичи, а есть только одни бездны, скалы до облаков да трущобы, обитаемые злейшими лешими – почетная стража *див*. Поэтому ни один *шикари* не соглашался ни за какие деньги идти выше известной черты на этих горах...

Что такое «шикари»? Современный представитель этого класса остался тем же, чем он был и в баснословные времена царя Рамы⁵². В Индии всякая профессия становится наследственной, а затем переходит в *касту*. Чем был отец, тем будет и сын. Целые поколения кристаллизуются и как бы застывают в одной и той же форме. *Шикари* обыкновенно одет в костюм, составленный из охотничьих ножей, пороховниц из буйвольего рога да древнего кремневого ружья с девятью осечками на десять выстрелов на совершенно голое тело. Часто он имеет вид дряхлого старика, и при встрече с ним одаренному чувствительным сердцем «иностраницу» (то есть не туземцу, как и не англичанину) всегда хочется предложить ему гофманских капель⁵³: до того у него впалый и словно подведенный болью живот. Но не потому наш *шикари* еле ползает и ходит сгорбившись, согнутый в три погибели, а по долгой, развившейся в силу его профессии привычке. Пусть только подзовет его к себе *сааб*-спортсмен, пусть покажет и посулит ему несколько рупий и *шикари* мигом выпрямится и начнет торг на какого угодно зверя. Условившись, он опять согнется в дугу, поползет осторожно, обвив тело и подошвы пахучими травами, чтобы не выдать себя зверю и чтобы не почуял тот «духа человеческого». И просидит он несколько ночей напролет, спрятавшись, как хищный ястреб, в густой листве древесной среди «вампиров», менее его кровожадных. Не выдавая своего присутствия и полувздохом, дряхлый Немврод готовится хладнокровно следить за агонией привязанного им для приманки тигра к дереву злополучного козленка или младенца-буйвола. А затем, оскалив зубы до ушей при виде тигра, он станет прислушиваться, не шевеля ни одним мускулом, к жалобному бляению и обонять с наслаждением запах свежей крови, смешанный с хорошо ему знакомым острым, специфическим запахом полосатого палача лесов. Раздвинув осторожно и неслышно ветви, он будет зорко и долго наблюдать за насыщающимся зверем, и когда тот, тяжело ступая окровавленными лапами по засохшей земле, облизываясь и зевая, обернется еще раз по привычке всех «полосатых» поглядеть на останки своей жертвы, тогда *шикари* выстрелит из своего кремневого ружья и наверно положит зверя на месте с одного разу. «Ружье *шикари* никогда не осекается, стреляя по тигру» – древняя пословица, перешедшая между охотниками в аксиому. А если *сааб* желает сам позабавиться стрельбой в лесного «бара сааба» (большого господина)⁵⁴, то *шикари*, заметив с дерева, куда тигр отправился почивать, при первых лучах солнечных тотчас же соскочит со своей ветки, бросится со всех ног в деревню, наймет толпу, устроит облаву и будет он целый день под палящими, убийственными лучами солнца бегать от одной группы к другой, устраивать, кричать, жестикулировать и отдавать приказания, пока «сааб» №1 не ранит с безопасной высоты своего слона «сааба» №2, когда *шикари* все-таки

⁵¹ Сааб, сагиб, сахиб – «господин», арабско-индийское наименование европейца.

⁵² Рама или Рамачандра – аватара Вишну, легендарный древнеиндийский царь Айодхьи. Подробное жизнеописание Рамы содержится в «Рамаяне» – одном из двух величайших древнеиндийских эпосов наряду с «Махабхаратой».

⁵³ Капли, составленные в первый раз немецким врачом Фридрихом Гофманом (1660–1742) в 1606 г. из 2-х частей серного эфира и 3-х частей спирта; употребляются при головокружениях, обмороках, икоте, желудочных болезнях, тошноте и проч.

⁵⁴ Эта кличка дается туземцами безразлично как всякому чиновнику или охотнику из англичан, так и тигру. Для невинного индуса действительно не представляется между двумя такого уж большого различия: разве только что на первом, к его незаслуженному счастью, ружье злосчастного туземца при каждой национальной попытке всегда давало осечку. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

придется самому доконать зверя из своего древнего ружья. Только затем уже, если не случится чего особенного, отправится *шикари* под первый попавшийся куст, где он в одно и то же время и за один раз роскошно позавтракает, пополдничает, пообедает и поужинает горстью протухлого риса и каплей болотной воды.

Так вот с тремя такими удалыми шикарями и, как сказано, в сентябре 1818 года, к концу летних вакаций⁵⁵, два англичанина, чиновники-землемеры на службе Компании, отправясь на охоту в Куимбатур, заблудились и дошли до самых в те времена охотничьих пределов, а именно до Гузлехутского ущелья⁵⁶, близ ныне знаменитого водопада Колакамбе⁵⁷. Над ними далеко и высоко под облаками, прорываясь отдельными пятнами сквозь сизый тонкий туман, виднелись скалистые иглы Нильгири и Муккартебета... *To terra incognita*, заколдованный мир –

... Горы таинственные,
Обитель див неведомых,
Холмов голубых...

как гласит старая песня на нежном наречии малаялима⁵⁸. Поистине «голубые»! Смотрите на них с какой угодно точки и на каком хотите расстоянии, снизу, сверху, из долины или с других высот, и пока они не пропадут у вас совсем из вида, то даже в туманную погоду холмы, сверкая, как драгоценный сапфир, внутренним огнем, словно тихо дышат, переливаясь, как волнами, своими золотисто-голубыми, в отдалении – синими, лесами, невольно поражая своим необычайным колоритом...

Землемеры, пожелав попробовать счастья, приказали шикарям вести их далее. Но удалые шикари, «как того и следовало ожидать», наотрез отказались. Далее из отчета двух англичан мы узнаем, что эти старые, опытные и храбрые охотники, истребители тигров и слонов, с первого слова о том, чтоб идти далее, за водопад, бросились бежать. Пойманные и приведенные назад, они все трое повалились ниц пред ревушим потоком и, по наивному сознанию одного из межевщиков, Киндерзлея⁵⁹, «соединенные усилия наших двух толстых плетей не могли поднять их на ноги... и прежде, нежели они не окончили своих громких заклинаний *дивам* этих гор, мольбы богам не наказывать и не губить их, невинных шикарей, за такое преступление. Они трепетали как осиновый лист, катались по мокрой земле берега, словно в припадке эпилепсии...» «Никто и никогда не переступал за пределы водопада Колакамбе, – говорили они, – и кто вступит в эти тущобы, тому никогда не вернуться живым!»

Так в тот раз или, скорее, в тот день англичанам не удалось даже и переступить за черту водопада. Волей-неволей пришлось вернуться в деревню, из которой, переночевав накануне, они вышли утром. Без проводников и шикарей англичане боялись заблудиться, а потому уступили. Но они внутренне поклялись заставить шикарей идти в будущий раз далее. Вернувшись в селение на новый ночлег, они созвали почти всю деревню и стали держать со старшинами совет. То, что они услышали, разожгло их любопытство еще более.

В народе ходили о заколдованных горах самые невероятные слухи; и многие из мелких «земиндаров» (землевладельцев)⁶⁰ ссылались на местных плантаторов и чиновников-евразиев как на людей, которые *знают правду* о священной местности и хорошо понимают невозможность добраться туда. «Рассказывали целую эпопею о некоем плантаторе индиго⁶¹, имевшем все

⁵⁵ Вакация (*лат.*) – время, свободное от учения или службы.

⁵⁶ *Англ.* Guslehut Pass.

⁵⁷ Этот водопад имеет 680 футов высоты. Теперь подле него проходит дорога в Уттакаманд. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

680 футов = 207 м.

⁵⁸ Малаялам – дравидийский язык, распространенный на юго-западе Индии (в основном среди народа малаяли) и состоящий в тесном родстве с тамильским языком.

⁵⁹ N.W. Kindersley.

⁶⁰ Заминдар (*перс.* земиндер «землевладелец») – в государствах средневековой Индии в широком значении слова – феодальный наследственный держатель земли.

⁶¹ Индигофера красильная (*лат.* *Indigofera tinctoria*) – растение семейства бобовые, вид рода индигофера, происходящее из Индии и культивируемое во многих тропических странах ради получения синей краски.

добродетели, кроме веры в индусских богов. В один прекрасный день, говорили важные брамины, мистер Д. в погоне за зверем, не обращая внимания на наши постоянные предостережения, забрел за водопад и пропал с того дня без вести. Только чрез неделю затем узнали власти о его вероятной участи: да и то благодаря старой “священной” обезьяне из соседней пагоды. Почтенная макашка имела, как видно, привычку делать в свободные от религиозных обязанностей часы визиты в соседние плантации, где ее угощали и кормили набожные кули. В одно утро она явилась с сапогом на голове. Сапог оказался с отсутствующей ноги плантатора, а сам хозяин оного так никогда и не нашелся: “Без малейшего сомнения дерзновенный был разорван на куски пизачами”, – решили в народе. Правда, Компания заподозрила было браминов пагоды, которые давно тягались с пропавшим за принадлежащую ему землю... Но ведь *саабы* всегда и во всем подозревают этих святых людей, особенно в Южной Индии...»

Подозрению не было дано ходу. Так бедный плантатор и сгинул с тех пор... Он перешел всецело и навеки в далекий и в те времена еще менее Голубых гор исследованный властями и учеными мир, мир бестелесной мысли, а на земле он превратился в сон, вечная память о котором под видом старого сапога стоит и доселе за стеклом в шкапу⁶² уездной полиции...

Говорили... Чтò еще говорили? А вот чтò: по сю сторону «дождевых туч» горы необитаемы; это, конечно, в отношении одних только простых, всеми зримых смертных, а по ту сторону «сердитой воды», водопада, то есть на высотах священных вершин Тоддабета, Муккартебета и Рангасуами, живет неземное племя – племя кудесников и полубогов.

Там – вечная весна, нет ни дождей, ни засухи, ни жары, ни холода. Чародеи этого племени не только не женятся, но и не умирают, даже не рождаются: их младенцы сваливаются совершенно готовыми из поднебесья и «растут вверх», по характерному выражению Топси в *Хижине дяди Тома*⁶³. Ни одному смертному не удавалось еще побывать на этих вершинах, как никогда и не удастся, разве только после смерти. «Тогда это явится в пределах возможности, потому что, как хорошо известно браминам, – а кому же это лучше знать? – небожители Голубых гор, из уважения к Богу Бrame уступили ему часть своей горы под *сваргу* (рай)», антресоли которого, надо полагать, находились в то время в починке.

Однажды некий шикари из их села, напившись пьяным в коллекторской кухне, отправился ночью высматривать тигра и нечаянно забрел за водопад. На другое утро его тоже нашли под горой мертвым, и пр.

Так гласило устное, так еще повторяет и печатное предание в *Сборнике местных легенд, преданий* в переводе с тамильского на английский язык миссионерами; издание 1807 года, которое и рекомендуется читателю.

Подстрекаемые такими рассказами, а главное, видимыми препятствиями и затруднениями экскурсии, наши два охотника решились доказать еще раз туземцам, что для «высшей», властвующей над ними расы слово «невозможность» не существует. Британскому *престижу* необходимо было заявлять себя во все времена истории, иначе о нем могли бы позабыть...

Известно ли у нас, в благодушной России, чтò такое именно заключается в этом магическом слове «британский *престиж*»? Конечно, читателю более или менее известно, что в Индии все, от ожиревшего европейца-лавочника, евразия-плантатора, потеющего с крепким арапником в руке над спинами кулиев, от чванного чиновника под серым *топи*⁶⁴ на голове, имеющем аршин в диаметре и похожем на глубокий, опрокинутый соусник, до рыжего, прилизанного, долгоногого, раззолоченного по швам и разящего на десять шагов водкой солдата-англичанина, – все и каждый ищут заявить и установить кулаком собственный, а равно и национальный *престиж*. Но знают ли, как именно выражается в Индии *политический престиж*? Узнать это можно только сравнительно. В далекие и более счастливые времена Уорена Гастингса⁶⁵ и его удалых товарищей престиж британский состоял в том, чтоб улыбаться щедрому восточному человеку и, принимая от него

⁶² шкафу (*устар.*).

⁶³ «Хижина дяди Тома» – роман американской писательницы Гарриет Бичер-Стоу (1811–1896), направленный против рабовладения в Америке.

⁶⁴ Топи – традиционный мужской головной убор народов Непала и Индии, небольшая хлопчатобумажная или шерстяная круглая шапочка.

⁶⁵ Уоррен Гастингс (Warren Hastings, 1732–1818) – первый английский генерал-губернатор Индии (1773–1785).

дары и натурою и златом, все-таки при случае надувать его, грабить и отнимать у него наследие отцов. Теперь декорация несколько изменилась, но только на первом плане, а задний план и вообще весь грунт остались те же. «Престиж» нашел полезным для поддержания блестящей фантазмагии, именуемой имперскою политикой, по выражению англо-индийских сатириков, преподносить ежегодно маммоне⁶⁶ миллионы заморенных голодом бедняков. *Райот* (землепашец) есть козел отпущения в Индии за британские грехи. *Райот* – жалкое существо, которое от рождения до смерти со своим всегда огромным семейством живет кусочком иссохшего поля. Обязанный платить за все, от вице-королевских охот, даваемых в честь скучающих туристов из королевского дома, до подарков императрицей царькам Индии, бесталаный райот лучше всех осуществляет силу и значение этого страшного слова: «политический престиж». Этот «престиж» наследовал Ваалу-Пеору⁶⁷, в ненасытную пасть которого бросались ежегодно тысячами рабы и пленники. Британцы перещеголяли, впрочем, в этом даже самих ассирийян. Они бросают в пасть «политического престижа» миллионы человеческих жизней. Со дня основания этого престижа *райот* осуществляет собою великое открытие Дарвина⁶⁸ «борьбы за существование». Умирая голодною смертью в стране несметных богатств и расточительности для поддержания «престижа» сильнейшего, *райот* сделался живым символом и вместе протестом против теории *survival of the fittest*⁶⁹.

Да не вознегодуют, читая это, как и все подписанное «Радда-Бай» в русских журналах, ее подозрительные и ревнивые друзья англо-индийцы! Пусть лучше вспомнят, что писал о них и об этих самых вопросах «Али-Баба»⁷⁰, остроумнейший из их писателей, каждый взмах пера которого был злейшею и вместе глубоко правдивою сатирой на современное положение Индии. Какими яркими, живыми красками описана им эта мученица-страна! Взгляните на его панораму Индии, на обязательное теперь в ней присутствие легионов ярко-пунцовых солдат да залитых в золото вице-королевских *сайсов* и *чупрасси*. *Сайсы* – конюхи и скороходы чиновников, а *чупрасси* – официальные правительственные рассыльные, носящие ливрею «империи» и состоящие при всех, больших и малых, гражданских чиновниках; если продать их на вес золота в их ливреях, то они представят сумму, половины которой достаточно, чтобы прокормить сотни семейств ежегодно. Прибавьте к ним издержки багровых от пьянства членов совета и разнохарактерных комиссий⁷¹, учреждаемых обыкновенно *при конце* каждой повальной голодовки, и докажется, что политический британский *престиж* убивает ежегодно более туземцев, нежели взятые вместе холера, тигры, змеи и даже так легко (и всегда так кстати) лопающиеся индийские селезенки⁷²...

⁶⁶ мамоне (лат. mammona).

⁶⁷ Баал (др.-евр. Бел, Бааль, Ваал «хозяин или господин») – вообще является эпитетом «бог, владыка» для разных богов и градоначальников у древних западных семитов. Также являлся конкретным божеством в ассирио-вавилонской этнокультуре, почитавшимся в Финикии, Ханаане и Сирии как громовержец, бог плодородия, вод, войны, неба, солнца и прочего. Баал Пеор – местный моавитский Баал, культом которого моавитяне, следуя советам Валаама, стремились увлечь евреев.

⁶⁸ Чарлз Дарвин (1809–1882) – английский натуралист и путешественник, одним из первых пришел к выводу и обосновал идею о том, что все виды живых организмов эволюционируют во времени и происходят от общих предков; в своей теории, развернутое изложение которой было опубликовано в 1859 г. в книге «Происхождение видов путем естественного отбора», основным механизмом эволюции Дарвин назвал естественный отбор.

⁶⁹ *выживания сильнейших* (англ.) – афоризм, внедренный Г.Спенсером и указанный Ч.Дарвином в «Происхождении видов» как основной фактор теории естественного отбора.

Герберт Спенсер (1820–1903) – английский философ и социолог, один из родоначальников эволюционизма, идеолог либерализма.

⁷⁰ Aberight-Maskaу – профессор в Мораре, владении Гвалиора, умерший два года тому назад в Индии. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

Джордж Роберт Абериг-Маккей (1848–1881) – английский писатель, автор книги «Двадцать один день в Индии» (1878–1879), сатиры на англо-индийское общество.

⁷¹ комиссий (англ. commission).

⁷² Этот орган человеческого тела, по-английски *сплин* (*spleen*), действительно играет в Индии большую роль. Туземная селезенка – лучший друг и защитник английских шей, которым без нее неминуемо грозила бы веревка. Селезенка до такой степени слаба и нежна во мнении англо-индийских судей и присяжных, что стóит дать туземцу щелчок в живот, дотронуться до него деликатно европейским пальчиком, чтобы тот вдруг упал да и умер! Туземные газеты уже давно подняли гвалт о такой неизвестной до прихода британцев деликатности их *сплина*. Особенно ненадежна селезенка у раджей, чем англичане очень огорчаются. «Почти невозможно, – рассуждают они, – чиновнику

Правда, убыль, причиняемая им в рядах чернорабочего люда, пополняется прибылью все разрастающегося племени и поколений евразиев. Эта весьма некрасивая раса «креолов», один из самых объективных и удачных символов нравственности, внесенной расой цивилизованною в расы полудиких рабов их, индусов. Евразии созданы на свет англичанами при помощи голландцев, французов и португальцев. Они – венец и бессмертный памятник деятельности благодушных «отцов» Ост-Индской Компании. Компанейские «отцы» часто вступали в браки с туземками, законные, как и незаконные (так как разница между теми и другими в Индии весьма небольшая: она основана на веровании супругов в степень святости коровьего хвоста). Но и это последнее звено дружеских сношений между высшею и низшею расами оборвалось. Теперь, к великой радости индусов, англичане стали смотреть на супруг и дочерей с отвращением, которое превышает разве только гадливостью туземцев при виде англичанки более или менее [в] *декольте*. Две трети Индии наивно верят в распущенный браминами слух, что «белые» обязаны своим цветом проказе.

Но не в этом вопрос, а в «престиже». Это чудовище родилось вследствие трагедии 1857 года⁷³. Заметая метлой последующих реформ все следы Англо-Индии коммерческой, официальная Англо-Индия вырыла между собою и туземцами такую бездну, что не завалить ее и тысячелетиями. Невзирая на грозный призраок британского престижа, она расширяется ежедневно, пока не поглотит окончательно одну из пород, либо черную, либо белую. «Престиж» поэтому есть не более, как рассчитанная мера самосохранения. Вследствие усиленного внимания к престижу и стал появляться в последние годы голодный мор среди туземцев. В глазах этой «христианской» нации, это даже не грех. Туземец давно объявлен ею не человеком, а вещью. Он – наскоро собранная природой комбинация слабо склеенных атомов, прямая эволюция беспереходных стадий асцидии⁷⁴ в негра, даже без помощи обезьяны. Этот новый научный взгляд внушается всем туземцам: от запаиваемого до полусмерти шампанским и опиумом *раджи* до прозрачного от худобы и голода *кули* и *райота*. Первый уже так хорошо дрессирован «политическими резидентами», что готов, за лишний пушечный выстрел в следующем ему по праву салюте, продать во имя политического британского *престижа* всю Индию с родными отцом и матерью в придачу. Второй, то есть *райот*, способен реализовать эту великолепную беконсфильдовскую идею в своих иссохших от лишения мозгах вполне только при последних минутах жизни: он синтезирует ее, умирая голодною смертью...

Принося за эту диверсию⁷⁵ челобитную, возвращаюсь к положению куимбатурцев в 1818 году. Попав между двух огней: *престижа* земных владык и суеверного страха пред владыками преисподней и их мщением, злосчастные дравиды почувствовали себя прищемленными между рогами ужасной дилеммы. Не прошло и недели, английские *саабы*, оставившие было жителей деревушки в сладкой надежде, что миновала их еще одна гроза, вернулись в Метопалам⁷⁶ у подошвы Нильгири и поразили их как громом объявлением, что чрез три дня по прибытии нескольких гарнизонных солдат и межевщиков отряд намерен предпринять путешествие на священные вершины Голубых гор.

Услышав страшную для них новость, несколько земиндаров обрекли себя на *дхарну*⁷⁷, то есть голодную смерть у дверей *саабов*, пока те не взмилуются и не обещают отказаться от

прикоснуться к *радже* или даже к собственному *китмагару* (буфетчику) без того, чтоб у того, как на зло, не лопнула селезенка!» Вот, например, сделался с каким-то полоумным раджой припадок. Подхватил его под руки «политический агент», немножко потряс, чтобы привести в чувство, и только что посадил на сундук, как у того и дух вон! А теперь вот и возись с этим штатиком... Ищи для него, подыскивай нового раджу... Нечего делать, приходится опять брать на себя новую обузу – опеку над осиротевшим штатом! (Резюме из англо-индийской печати).

Подлинно: полны терний извилистые тропы, по которым идет вперед индийское правительство! – *Примечание Е.П.Блаватской.*

⁷³ Речь идет о восстании индийских солдат (сипаев) в 1857–1859 гг. против жестокой колониальной политики англичан.

⁷⁴ Асцидия – морское беспозвоночное животное.

⁷⁵ Диверсия (*лат.*) – отклонение, отвлечение.

⁷⁶ Меттупалаям (*англ.* Mettupalayam).

⁷⁷ Дхарма, дхамма (*санскр.* dharma «учение», «закон») – одно из важнейших понятий в индийской философии и индийских религиях. Дхарму можно описать как совокупность установленных норм и правил, соблюдение которых

намерения. Деревенские *мунсифы*, разодрав одежду, что не стоило больших усилий, обрили головы своим женам и заставили их, в знак общественного бедствия и общего траура, царапать себе (конечно, жен) в кровь лица. Брамины читали заклинания и *мантры* вслух, посылая про себя англичан с их богохульными затеями в *нарак* ко всем чертям. *Метопалам* огласился воплями и криками отчаяния на целые три дня. Ничего не помогло. Как сказано, так и сделано. Снарядив партию из подобранных между компанейцами смельчаков, новые Колумбы решились было пуститься в путь и без проводников. Деревня опустела, будто после военного разгрома; туземцы разбежались в ужасе и межевщикам, коноводам партии, не оставалось делать ничего иного, как пойти самим разыскивать путь к водопаду. Они заблудились и вернулись. Эксплораторы⁷⁸, однако, не смутились. Поймав где-то спрятавшихся двух поджарых малабарцев, объявили их пленными: «Либо ведите и вот вам золото, либо отказывайтесь и все-таки пойдете, так как вас потащат силой. А затем, вместо золота, тюрьма». А в те блаженные дни кротких отцов компанейства слово «тюрьма» было синонимом в мадрасском, да и в других президентствах, *пытки*. Оно и теперь иногда случается, как это было еще недавно доказано; а в те времена жалобы самого младшего из писарей высшей расы было достаточно, чтобы подвергнуть туземца пытке. Угроза подействовала. Бедные малабарцы понурили головы и ни живые, ни мертвые повели европейцев к Колакамбе.

Странно, если случилось затем то, что рассказывают: а что было так, в этом нам порукой официальное донесение двух межевщиков. Не доходя до водопада, на привале, одного из малабарцев, невзирая на непривлекательную костлявость, унес тигр прежде, чем кто-либо из охотников заметил зверя. Крики несчастного привлекли их внимание, когда уже было поздно: «Выстрелы или не попали, или же убили жертву, которая вместе с похитителем исчезла из глаз, словно оба провалились сквозь землю», – сказано в рапорте. А другой туземец, переправившись через быстрый поток на другой, «запрещенный», берег за милю от водопада, где партия в первый день восхождения заночевала, безо всякой видимой причины *внезапно умер*, вероятнее всего от страха. Любопытно читать мнение очевидца касательно этого странного совпадения. Описывая этот случай (в *Madras Courier*, 3 ноября 1818 года), один из чиновников, по имени Киндерзлей, (*Kindersley*) пишет так:

«Убедясь в непритворной смерти второго *apana (nigger)*, наши солдаты, особенно суеверные ирландцы, очень смутились. Но мы с Уишем, *Whish* (имя другого межевщика)⁷⁹, тотчас же решились: отступить значило обесчестить себя без пользы, став вечным посмешищем товарищам и закрыть навеки вход в Нильгирийские горы и к их чудесам (коли такие там имеются) всем другим англичанам. Мы положили отправиться далее без проводников, тем более что ни оба умершие малабарца, ни другие живые не более нас самих знали дорогу по ту сторону водопада».

Далее следует подробное описание их трудного восхождения на горы и карабканья по совершенно перпендикулярным скалам, пока они не очутились за облаками, то есть за чертой «вечного тумана», и не увидели его волнующейся синевы под ногами. Так как все, что они там нашли, описано далее и находится в извлечениях из писем Д.Сэлливана⁸⁰, уездного коллектора куимбатурского, посланного после правительством на формальное следствие, то во избежание повторений я и ограничусь лишь поверхностным, в немногих словах, описанием главнейших походов двух межевщиков.

Отправляясь выше, далеко за рубеж туманов, наши авантюристы наткнулись на огромного боа-констриктора. Один из них нечаянно упал в полутемноте на что-то «слизистое и мягкое». Это «нечто» зашевелилось, зашуршало, встало и оказалось тем, чем оно и было, то есть весьма неприятным собеседником. Удав, в виде приветствия, обвился вокруг одного из «суеверных»

необходимо для поддержания космического порядка. В зависимости от контекста, дхарма может означать «нравственные устои», «религиозный долг», «универсальный закон бытия» и т.п.

⁷⁸ исследователи, разведчики (*лат.*).

⁷⁹ J.C.Whish.

⁸⁰ Джон Салливанн (Sullivan, 1788–1855) – коллектор в Коимбатуре.

В русской (дореформенной) орфографии использовалась буква буквы «э», в частности, для более точной фонетической передачи французского «еи» и немецкого «ё» в заимствованных словах, где обычно употребляется буква «е». Этот знак иногда применялся в дореволюционной печати, однако не был принят официально.

ирландцев и успел до получения нескольких пуль в широко разинутую пасть сжать «Патрика»⁸¹ в своих холодных объятиях с такою силой, что несчастный чрез несколько минут после этого умер. Убив не без больших затруднений чудовище и смерив содранную кожу, путешественники нашли к ужасу и удивлению, что боа имел 26 футов⁸² в длину! Затем пришлось копать для бедного ирландца могилу, что они совершили с большим трудом, еле успев спасти тело от налетавших со всех сторон белых коршунов. Могилу эту показывают до сего дня. Она находится под скалой, немного выше Куннура⁸³. Первые поселенцы-англичане сложились и украсили место приличным памятником в воспоминание «первого пионера, погибшего в экспедиции на горы».

Над двумя «арапами» не поставили ничего, хотя по праву они-то и были «первыми» погибшими из экспедиции жертвами, как и первыми, хотя и невольными, пионерами. Но если в глазах англичанина даже всегда ненавистный ирландец все же *нечто вроде* человека, то туземец Индии даже и не скотина: иначе за него, наверное, бы заступилось Общество покровительства животным, чего оно, как всем известно, не делает.

Потеряв двух черных пешек и одного белого человека, англичане полезли далее и встретились со стадом слонов, дававших друг другу регулярное сражение. Слоны, к счастью, не заметили их, а потому и не тронули. Зато они заставили разбежаться во все стороны испуганный отряд. Когда отряд хотел снова собраться, то нашел себя рассеянным на группы по два и по три человека. Проплутав всю ночь в лесу, человек семь вернулись в разные часы следующего дня в деревню, из которой экспедиция вышла за сутки до того с такою заносчивостью. Три человека европейцев исчезли бесследно.

Оставленные одни, Киндерзлей и Уиш бродили по склонам гор в продолжение нескольких суток: то подымаясь на вершины, то снова спускаясь в ущелья. Все время им приходилось питаться ягодами и грибами, которые они находили здесь во множестве. Каждый вечер рев тигров и слонов заставлял их искать убежища в высоких деревьях и проводить ночи без сна, чередуясь часами и ожидая ежеминутно смерти. *Дивы* и другие таинственные обитатели и хранители «заколдованных» трущоб заявили себя таким образом с первого же дня. Неудачные искатели несколько раз порывались вернуться назад, но, невзирая на все усилия и хотя шли прямо вниз, встречали ежеминутно такие на пути препятствия, которые заставляли их поневоле сворачивать в сторону, а ища обойти скалу или холм, они находили себя снова в безвыходной трущобе. Их инструменты и даже оружие, кроме висевших на них ружей и пистолетов, остались в руках остальной партии. Им было невозможно ни ориентироваться, ни найти дороги вниз и оставалось одно – подниматься все выше и выше. Если сообразить, что со стороны Куимбатура Нильгири возвышаются лестницей громадных перпендикулярных скал от 5000 до 7000 футов⁸⁴ до самой долины Уттакаманда, что многие из таких скал образуют страшные бездны и что межевщики именно и выбрали эту дорогу, то можно легко себе представить с какими трудностями пришлось им бороться. По мере их восхождения природа как бы отрезала им путь назад. Часто им приходилось взлезать на верхушки дерев, чтобы затем перепрыгивать через обрывы на ближнюю скалу...

Наконец, на девятый день странствования, потеряв всякую надежду найти в этих горах что-либо кроме смерти, они решились попытаться еще раз вернуться назад, спускаясь с горы прямо и избегая сколько возможно всяких поворотов в сторону. Вследствие такого решения они положили сперва взобраться на самую высокую пред ними местность, чтобы разглядеть с нее окрестности и лучше сообразить предстоящий им путь. Они находились в то время на поляне в небольшом расстоянии от высокого и, по-видимому, довольно отлогого холма, как им показалось, с небольшими скалами наверху. Чтобы добраться до последних, казалось, стоило только взбежать на холм, что, судя по его наружному виду, не представляло больших затруднений. К их удивлению и с потерей последних сил им пришлось взбираться около двух часов. Густо покрытый травой, которую здесь называют «атласною» (*satin grass*), отлогий холм оказался до того скользким, что с первых же шагов пришлось им подниматься почти ползком и цепляясь за

⁸¹ То есть ирландца, по имени Святого Патрика, христианского святого, покровителя Ирландии.

⁸² 7,9 м.

⁸³ Кунур (англ. Coonoor).

⁸⁴ 1520–2130 м.

траву и кусты, чтобы каждую минуту не скатываться назад. Взбираться вверх по такой траве все равно, что стараться взойти на стеклянную гору. Достигнув, наконец, после невероятных усилий вершины, оба упали в совершенном изнеможении и приготовились, как пишет Киндерзлей, «к худшему».

То был ныне известный по всему Уттакаманду знаменитый «холм гробниц», или, как их здесь называют, *cairns*⁸⁵. Такое друидское название всего более подходит к характеру этих памятников неизвестной, но глубокой древности, которые межешники сперва приняли за скалы. Этот, как и многие другие холмы Нильгирийской цепи, весь усеян подобными гробницами. Рассуждать о них, впрочем, много не приходится. Как и все остальное в этих таинственных горах, их происхождение и последующая история покрыты непроницаемым мраком. Пока, впрочем, наши герои отдыхают, собираясь с новыми силами, можно поговорить и о могилах, на это не потребуется много времени.

Когда лет двадцать позднее времени нашего рассказа стали производить раскопки, то в каждой гробнице было найдено большое количество железной, бронзовой и глиняной утвари, необычайной формы фигуры и металлические грубой формы украшения. Ни фигуры, – по видимому, идолы, – ни украшения, ни утварь ничем не напоминают подобных им предметов, употребляемых в других частях Индии и другими народами. Особенно глиняные изделия замечательны своим видом: словно первообразы гадов (описанные Берозом⁸⁶), что ползали в хаосе при сотворении мира. Касательно самих гробниц, кем и когда они были сооружены, какой из людских пород они послужили последним убежищем на земле, также ничего нельзя ни сказать, ни даже предположить, ибо всякая гипотеза разбивается тем либо другим затруднением. Что означают эти странные геометрические фигуры, каменные, костяные и глиняные, эти додекаэдр⁸⁷, треугольники, пяти-, шести- и восьмиугольники самой правильной формы, эти, наконец, глиняные фигурки с бараньими и ослиными головами на птичьих телах? Гробницы, то есть окружающая могилу стена, всегда овальной формы, от двух до трех аршин⁸⁸ вышины и сложена из крупных неотесанных и безо всякого цемента камней. Стена всегда обрамляет глубокую, иногда в пять и шесть ярдов⁸⁹ глубины, могилу, покрытую довольно правильным сводом и выложенную иногда как склеп гладкими камнями, хотя склепы и трудно различить – до такой степени они завалились от древности землей и камнями. Форма гробниц, хотя и схожая своим внешним видом с такими же древними могилами в других частях света, мало сама по себе проливает света на их происхождение. Такие памятники находятся в Бретани и других частях Франции, в Валлисе⁹⁰ и в Англии, как и в горах Кавказа. Конечно, у английских ученых и тут дело не обошлось без вездесущих скифов и парфян. Только схороненные в них археологические останки уж совсем не скифские, да и скелетов в них еще не находилось до сей поры, как и чего-либо похожего на оружие. Надписей также нет никаких, хотя и были вырыты каменные доски, по углам которых выцарапано нечто похожее на иероглифы, вроде тех, что находятся на обелисках Паланки⁹¹ и других мексиканских развалин.

Между всеми пятью племенами Нильгирийских гор, людьми пяти совсем различных между собою пород⁹², не нашлось никого, кто мог бы доставить хотя малейшее сведение касательно этих никому неизвестных могил. Тодды, самое древнее из пяти племен, также ничего не знают о них. «Не наши и не можем сказать, чьи они; наши отцы и первые поколения нашли их здесь и никто не строил их за наше время», – вот постоянный ответ тоддов археологам. Если вспомнить при этом древность, которую себе приписывают тодды, то выйдет, что в этих могилах хоронили праотцов Адама и Евы. Обряды погребения у всех пяти племен совершенно различные между собою. Тодды

⁸⁵ Каирны – искусственные сооружения в виде груды камней, часто конической формы.

⁸⁶ Джон Берроуз (Burroughs, 1837–1921) – американский писатель, художник, натуралист, философ.

⁸⁷ додекаэдр (*фр.* dodécaèdres).

⁸⁸ 1,4–2,1 м.

⁸⁹ Ярд – британская единица измерения расстояния, равная 0,9144 м.

5–6 ярдов = 4,6–5,5 м.

⁹⁰ Уэльсе (*англ.* Wales).

⁹¹ Паленке (*исп.* Palenque) – условное название развалин большого города майя на северо-востоке мексиканского штата Чьяпас – политического и культурного центра майя в III–VIII вв., столица Бааккульского царства.

⁹² См. описание этих пяти племен далее, в III главе. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

сжигают своих покойников вместе с любимыми буйволами; муллу-курумбы хоронят их под водой; эруллары привязывают их к верхушке дерев, и т.д.

Если бы придя в себя, заблудившиеся охотники встали и принялись бы осматривать окрестность, которая расстилалась пред ними во все стороны на много десятков миль, то они, вероятно, предупредили бы меня описанием одной из великолепнейших панорам Индии, так как, не ведая еще тогда сами того, они находились на самой высокой, за исключением Тоддабетского *ника*⁹³, вершине этих гор. Трудно представить себе, а еще менее братья описывать чувства, волновавшие в то время двух альбионцев лицом к лицу с такою грандиозною картиной. Вероятнее всего, что ничего похожего на восторг художника или члена «Альпийского клуба» не нашло себе места в их усталой груди. Они были голодны и полумертвы от истощения, а такое физическое состояние всегда будет брать верх в подобные минуты над духовным элементом бедного человечества. Если бы, – как то часто делают теперь, шестьдесят лет позднее, их потомки, – если бы они приехали к этому холму верхом или в рессорной коляске, окруженные десятками корзин с яствами для веселого пикника, то они, вероятно, пришли бы в такой же энтузиазм, как и все мы пред открывающимся с этого холма как бы новым миром. Но то был критический час как для всего Мадрасского президентства, так и для нас: погибни они тогда в горах, не было бы теперь ежегодно спасаемых сотен жизней, как и не был бы написан нами этот правдивый рассказ.

Так как эта местность тесно связана с последующими событиями, то я прошу позволения очертить ее и вместе с тем выразить, за отсутствием лучшего описания, свои собственные чувства. Трудно тому, кто побывал хоть раз на «Холме гробниц», забыть его в продолжение самой долгой жизни. А пишущая эти строки не раз совершала геркулесовский подвиг восхождения на холм по этому скользком пути... Впрочем, спешу оговориться и вместе покаяться: подвиг был всегда совершаем мною в покойном кресле-паланкине на головах у дюжины алчных кулиев, всегда готовых в Индии рисковать селезенкой из-за пригоршни меди. В Англо-Индии мы легко привыкаем ко всему, даже обращаться в невменяемых убийц ближнего, злосчастного меньшого брата, пряникообразного и высохшего кули. Но в отношении к Холму Могил, по крайней мере, мы желаем и требуем смягчающих обстоятельств в виду нашей тяжелой вины пред совестью. Всегда ожидающий на нем путника мир волшебства и чудес природы способен парализовать всякую предосторожность не только касательно чужой, но даже и своей селезенки.

Постарайтесь вообразить себе эту картину. Взойдите на этот холм, то есть почти на 9000 футов⁹⁴ выше уровня моря, которое, к слову, синеет тонкою ниткой в сорока милях отсюда на горизонте Малабарских берегов, и взгляните: под ногами у вас миль на двести кругом расстилается пространство как на ладони! Куда ни взглянешь, направо, налево ли, на юг или на север, пред глазами у вас волнуется безбрежное море зеленых, алых и синих холмов, остроконечных, зубчатых и закругленных вершин скал, самых фантастических и капризных форм: точно иссиня-зеленый, облитый сиянием тропического солнца, бурливый океан во время циклона, покрытый мачтами утопающих и утонувших кораблей. Таким мы видим иногда океан-призрак во время сна.

Взгляните теперь на север. Хребет Нильгирийской цепи, поднимаясь на 3500 фут[ов]⁹⁵ выше нагорных плоскостей Майсура, перебрасывается гигантским мостом 15 миль в ширину и 49 в длину, как бы вырастая из пирамидообразного Иелламулая⁹⁶ Западных *Гхат*, и стремится сломя голову отлогими уступами с сияющими безднами по обеим сторонам вплоть до утопающих в бархатистой сизой мгле округленных холмов Майсура. Там, наткнувшись на острые скалы Пайкара⁹⁷, чудовищный мост, кроме узенькой полоски, которая соединяет одну цепь с другою, вдруг обрывается перпендикулярно вниз, разбивается на мелкие скалы, превращается в булыжник и начинает шуметь, бурлить потоком, бешено прорываясь вперед, будто догоняя светлую реку, вырвавшуюся из мощных недр его горы.

⁹³ Англичане почему-то называют его Доддибет. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

⁹⁴ 2740 м.

⁹⁵ 1060 м.

⁹⁶ *Англ.* Yellamullay.

⁹⁷ *Англ.* Paikari.

А теперь бросьте взгляд на южную сторону Холма Могил. Там, миль на сто в длину, во всю юго-западную область Голубых гор, дремлют во всем величии своей недоступной, девственной красоты темные леса, непроходимые болота Куимбатурса, замыкаемые красными, как кирпич, холмами Кхунда. Еще далее, левее на восток, извиваясь каменным змеем, уходит вдаль средний хребет *Гхат* между двумя рядами высоких, вулканических, почти отвесных скал. Увенчанные, словно растрепанными волосами на макушке, букетами изогнутого во все стороны ветром ельника, эти вереницы отдельных зубчатых вершин представляют самое любопытное зрелище. Можно подумать, будто выбросившая их вулканическая сила имела в виду приготовить каменную модель грядущего человека: до того эти утесы имеют человекообразную форму. Сквозь волнуемый, прозрачный, как дымка, туман, они будто сами волнуются, двигаясь одна за другую, и мнится, будто скачут и бегут они, эти старые, покрытые вековым мохом скалы. Перепутываясь, толкая, опережая и разбиваясь друг о друга, спешат они, как мальчишки-школьники, скорее вырваться из узкого ущелия на простор и свободу... А кругом, высоко над ними, под самыми ногами стоящего на Холме Могил туриста, расстилается на первом плане картина совсем другого рода: тишь да гладь, да Божья благодать...

Поистине, весенняя идиллия Вергилия⁹⁸, обрамленная грозными картинами из *Ада Данта*⁹⁹. Изумрудные, испещренные цветами пригорки, рассыпанные, как бородавки, по светлому лику горной долины с ее длиною шелковой муравой и ароматическими травами. Только вместо белоснежных барашков да пастушков с пастушками стада громадных черных, как смоль, буйволов, а вдали неподвижная, как бронзовая статуя, атлетическая фигура молодого длиннокудрого тодды-тиралли, или «священнодействующего».

На этой выси царствует вечная весна. Даже декабрьская и январская морозные ночи не способны изгнать ее отсюда в полдень. Здесь все свежо и зелено, все цветет и благоухает круглый год, и Голубые горы являются здесь во всей прелести улыбающегося даже сквозь слезы младенца прекраснее, быть может, во время сезона дождей, нежели в другое время года¹⁰⁰. Да и все на этих высотах как будто только зарождается, появляется на свет Божий впервые. Сердитый горный поток здесь еще в колыбели. Он бьет пока из-под родного камня тонкою струей, убегая далее журчащим ручейком, на прозрачном дне которого лежат атомы будущих грозных утесов. В своем двойном образе природа является здесь полным символом человеческой жизни: чистой и ясной, как само младенчество, на этих высотах; суровой и истерзанной, как сама жизнь, в борьбе стихийной ниже. Но все вверху, как и внизу, цветет во все времена года всеми радужными красками волшебной палитры Индии. В этих горах пришлецу из долин все кажется необычайным, чуждым, диким. На них поджарый, пряничного цвета кули превращается в бледнолицего, рослого тодда, который, как привидение древнего римлянина или грека, с гордым профилем, важно драпируясь в белую льняную тогу, подобной которой нет ничего похожего в Индии, глядит на индуса с благосклонным презрением быка, взирающего задумчиво на черную жабу. Здесь желтоногий пестрый ястреб низменностей является могучим горным орлом, а иссохший ковыль и обгорелый репейник кактуса мадрасских полей вырастает в гигантскую траву, в целые леса тростника, где слон может смело играть в прятки, не страшась людского взгляда. Здесь поет русский соловей, а кукушка кладет яйца в гнездо южной желтоносой майны вместо гнезда своего северного друга, голубой вороны, которая превращается в этих лесах в свирепого, черного, как смоль, ворона. Здесь всюду контраст: куда ни глянешь – аномалия. Из густой листвы дикой яблони вылетают в светлый полдень мелодичные звуки, чириканье и песнь неизвестных в долинах Индии пернатых, а из темного бора несется подчас зловещий рев тигра и читты¹⁰¹, да мычанье дикого буйвола... Минутами торжественная тишина, царящая на высотах, прерывается тихими, таинственными звуками, шуршаньем, порою диким, сиплым криком. Затем все снова умолкает, замирает в благоуханных волнах чистого горного воздуха и опять надолго воцаряется не прерываемое ни одним звуком молчание. В такие минуты затишья одно внимательное, любящее

⁹⁸ Публий Вергилий Марон (70–19 до н.э.) – поэт Древнего Рима.

⁹⁹ Данте Алигьери (1265–1321) – итальянский поэт, мыслитель, автор «Божественной комедии».

¹⁰⁰ В сезон дождей, когда у подошвы гор льет проливной дождь, здесь он только покрапывает по несколько часов в день, да и то урывками. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

¹⁰¹ Чита (*англ.* cheetah) – азиатский гепард.

природу ухо способно уловить биение ее мощного, здорового пульса, чутко угадывая его непрерываемое движение даже в этом немом заявлении радостной жизни мириадами ее творений, видимых и невидимых.

Нет, не легко забыть Голубых Нильгири тому, кто пожил в них! В этом чудном климате мать-природа, собрав свои разбросанные силы, собрала их в одно для произведения всех образчиков своего великого творчества. Она как бы чередуется проявлениями то северных, то южных полос земного шара. Потому-то она то оживляется, просыпаясь к деятельности, то снова замирает, усталая и ленивая... То видишь ее полудремлющую во всем величии облитой ярким солнцем юга красоты, убаюкиваемую согласно мелодией всех ее царств; то встретишь ее гордую и дикую, напоминающую о своей мощи колоссальными растениями тропических лесов и ревом ее великанов-зверей. Еще один шаг в другую сторону и она снова падает, как бы изнеможенная после крайнего усилия и сладко засыпает на ковре северных фиалок, незабудок и ландыша... И лежит наша великая, мощная мать тихо и неподвижно, овеваемая прохладным ветерком да нежными крыльями целого роя невиданных, волшебного-красивых мотыльков и бабочек!..

Теперь подножие этого холма обвито тройным поясом роц эвкалипта. Роци обязаны своим существованием ранним европейцам-плантаторам¹⁰². Кто не знаком с этим прекрасным *Eucalyptus globulus*, австралийским деревом, которое разрастается в три-четыре года, как другое не разрастется и в двадцать, тот не знаком с главной прелестью садов. Служа замечательным средством, очищающим воздух от всяких миазмов, такие роци делают климат Нильгири еще более здоровым. Все ошалевшие от чересчур монотонно-горячих ласк индийской природы туземцы, как и представители Европы в Мадрасском президентстве, рвутся искать выздоровления и отдыха в лоне ее на этих горах: и она никогда не обманывает этих ожиданий; соединив как в один букет все климаты, все флоры, зоологию, как и орнитологию, пяти частей света, гений гор подносит все это от имени своей владычицы каждому забравшемуся в Нильгири усталому путнику.

Голубые горы – то визитная карточка с полным исчислением заслуг и титулов, которую природа, злая мачиха¹⁰³ европейца в Индии, оставляет в знак полного примирения своему, ею же замученному пасынку.

Час такого примирения пробил и для наших бедных героев. Совершенно разбитые они еле могли держаться на ногах. Пострадавший менее Уиша и более сильный Киндерзлей, отдохнув, стал обходить пригорок. Он старался высмотреть с этого холма в расстилавшемся пред ним хаосе скал и лесов удобнейший для возвращения путь. Ему показалось, будто он видел недалеко оттуда дым и поспешно вернулся к товарищу, чтобы сообщить ему новость, как вдруг он был поражен будто громом... Пред ним стоял, повернувшись к нему в полуоборот спиной, бледный как смерть и как в лихорадке дрожащий Уиш. Вытянув руку, он конвульсивно тыкал указательным пальцем в даль. Тогда, взглянув по направлению пальца, всего в нескольких стах футов от них, в ложбине у самого подножия холма, Киндерзлей заметил сперва жилье, а немного далее и людей. Вид этих предметов, который в другое время несказанно бы обрадовал их, поразил в то время почему-то обоих просто ужасом. Правда, дом был какой-то странный, невиданной ими прежде нигде архитектуры. В нем не было ни окон, ни дверей и он был круглый, как башня, и с совершенно пирамидальной, хотя и закругленной сверху крышей. Что же касается людей, то на первый взгляд оба компанейца даже колебались принять их за людей. Оба инстинктивно бросились за стоящий невдалеке от них куст и, раздвинув ветви, глядели во все глаза на странные, двигавшиеся пред ними фигуры. То, что они в них узрели, описано Киндерзлеем как «группа великанов, а возле них несколько групп страшно уродливых карликов!». Забыв всю прошлую удаль и насмешки, они были готовы серьезно¹⁰⁴ принять их за гениев и гномов этих гор. Как вскоре оказалось, то были

¹⁰² Сорок лет тому назад тремя фунтами семян этого дерева, присланных из Австралии, генерал Морган засеял все пустые места и долины окрестностей Уттакаманда. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

Фунт – единица измерения массы, равная 0,454 кг.

3 фунта = 1,4 кг.

¹⁰³ мачеха (*устар.*).

¹⁰⁴ серьезно (*устар.*).

просто огромные тодды, их данники и обожатели баддаги и крошечные слуги этих данников, безобразнейшие в мире дикари – муллу-курумбы.

Истратив весь заряд, потеряв одно из ружей и чувствуя себя в состоянии полного расслабления неспособными противиться нападению даже таких карликов, компанейцы собирались, незаметно скатившись кубарем с холма, улизнуть, как вдруг заметили подошедшего с тыла другого неприятеля. Подкрававшиеся к ним и усевшиеся выше их на дереве, обезьяны внезапно открыли по ним пальбу весьма неприятным для них снарядом – грязью. Их стрекотание и воинственные крики очень скоро привлекли внимание пасшегося невдалеке оттуда стада огромных буйволов. Буйволы замычали в свою очередь, высоко подняв головы к вершине пригорка, а затем и тодды, как видно, заметили их. По крайней мере, пред ними появились через несколько минут отвратительные карлы и овладели безо всякого сопротивления двумя полумертвыми героями. С Киндерзлеем сделался, по его показанию, «обморок от одного испускаемого чудовищными дикарями зловония». К их великому удивлению, однако, карлики их не съели и даже не очень помяли: «Они только прыгали да плясали перед нами, хохоча во всю огромную глотку», – пишет Киндерзлей. Великаны, то есть тодды, оказались совсем *джентльменами* (sic)¹⁰⁵. Удовлетворив своему весьма понятному любопытству при виде, как оказалось, первых белых когда-либо ими виденных людей, тодды напоили их превосходным буйвольим молоком, накормили похлебкой из грибов и сыром, а затем уложили отдыхать в замеченном ими пирамидальном домике, где оказалось «темно, но тепло и сухо и где (они) и проспали как убитые до другого утра».

Всю ночь, как потом оказалось, тодды просидели в торжественном совете. Несколько лет спустя, когда мистер Сэлливан, которого они до сих пор называют «отцовским братом»¹⁰⁶, самое почтительное у них после «отца» название, приобрел их искреннюю любовь и доверенность, рассказывая ему об этой памятной для них ночи, тодды ему говорили, что они уже давно поджидали к себе в горы «людей со стороны заходящего солнца». На вопрос Сэлливана, как это они могли знать, они отвечали неизменно одною и тою же фразою: «*Так нам давно объявили буйволы, а они всегда и все знают*». В эту ночь их старики решили участь англичан, а также и перевернули новую страницу в книге своей собственной истории.

На другое утро, видя, что англичане еле могли двигаться, тодды приказали своим данникам снарядить для больных нечто вроде носилок, на которых их и понесли баддаги. Англичане заметили, что тодды услали еще с утра куда-то карликов. «С тех пор и до самого дня возвращения в Нильгири, мы их не видели и даже нигде не встречали», – рассказывает Киндерзлей. Как узнано позднее, особенно из рассказов миссионера Метца¹⁰⁷, тодды не без причины боялись для своих гостей враждебного присутствия карликов муллу-курумбов: они их послали назад, в их лесные тущобы, *строго запретив им глядеть на белых странников*. Такое немного странное запрещение было ими мотивировано миссионеру тем, что «взгляд курумбы убивает непривыкшего к нему и боящегося его человека», а так как боязливое отвращение англичан к этим карликам было, конечно, подмечено тоддами в первую же минуту их появления, то вследствие этого явилось и запрещение курумбам *глядеть* на пришлецов.

Бедные, великодушные тодды! Кто знает, как часто впоследствии раскаивались их старики, что недоброму *глазу* муллу-курумбов они не предоставили этих людей, от возвращения которых в Мадрас и их доклада зависела дальнейшая участь Нильгири!.. Но «так давно порешили буйволы... а они знают!».

Тихо и медленно несомые на носилках баддагами, удивляясь и конечно радуясь своему нежданному счастливому избавлению, англичане имели теперь случай лучше разглядеть дорогу и окружающие их окрестности. Они были поражены громадным разнообразием этой растительности, которая соединяет в себе почти все породы тропиков, а вместе с тем и северных климатов. Нередко им попадались гигантские старые сосны, шероховатые стволы которых совсем

¹⁰⁵ Sic (лат.) – так, таким образом, именно так.

¹⁰⁶ По причинам, о которых будет заявлено далее, тодды не признают никаких родственников, кроме отца, да и то чаще всего номинально. Для тодда тот ему отец, кто его усыновит. – *Примечание Е.П.Блаватской*.

¹⁰⁷ См.: Metz F. The Tribes Inhabiting the Neilgherry Hills. Their Social Customs and Religious Rites. Madras, 1856 <Мец Ф. Племена, обитающие на холмах Нилгири. Их общественные обычаи и религиозные обряды. Мадрас, 1856>.

исчезали у корней среди букетов алоэ¹⁰⁸ и кактуса. Фиалки цвели у подножия пальм, а белостволая береза и трепещущая осина отражались в темных тихих водах пруда рядом с царским цветом Египта и Индии, гордым лотосом. По дороге они находили фруктовые деревья всех стран, ягоды всех сортов, от бананов до яблонь и от ананасов до малины и клубники. Страна изобилия, благословенная обитель! Голубые горы, видимо, избраны природой одним из пунктов ее всемирной выставки!

№ 4

Тода

Фотографии из книги:

*Маршалл У.Э. Странствия среди тодов,
или изучение первобытного племени в Южной Индии. Лондон, 1873*

Во все время спуска вокруг путников журчали сотни ручьев, из трещин скал била здоровая ключевая вода, поднимались пары из минеральных источников, а всюду веяло прохладой, о которой они давно позабыли в знойной Индии.

В их первую по дороге ночь с ними приключилось очень смешное происшествие. Баддаги, после небольшого совещания, вдруг насильно завладев ими, раздели догола и, не обращая внимания на их отчаянное сопротивление, окунули в теплую минеральную воду лужи и обмыли им раны и царапины. После этого, держа их поочередно на скрещенных руках выше уровня воды и прямо над теплым паром, стали петь нечто вроде заклинаний с аккомпанементом таких ужасных

¹⁰⁸ алоэ.

кривляний и диких возгласов, пишет Киндерзлей, «что нам серьезно почудилось одну минуту, будто они собираются нас принести в жертву одному из лесных богов».

Но англичане ошибались, хотя лишь к утру убедились в несправедливости своего подозрения. Натерев им больные ноги каким-то тестом из мягкой глины и сочных трав, баддаги тепло закутали их и «буквально усыпили над теплым паром источника». Проснувшись на другое утро, они почувствовали необычайное облегчение во всем теле и особенно крепость в мускулах. Всякий след боли в ногах и сочленениях как бы по волшебству исчез. Они встали совершенно здоровыми и окрепшими. «Нам сделалось положительно совестно пред этими, заподозренными нами так напрасно дикарями», – рассказывает Уиш в письме к приятелю.

К полудню они спустились так низко, что им стало довольно жарко, и они заметили, что перешли за черту туманов и находились уже на Куимбатурской стороне. Уиш пишет, что они не могли довольно удивиться одному: при восходе на гору они встречали ежечасно следы присутствия разных диких зверей, им приходилось глядеть в оба и окружать себя величайшими предосторожностями, чтобы не попасть в логовище тигра, не наткнуться на слона или стаю читт... «Теперь же, на возвратном пути, *лес как бы вымер*: самые птицы щебетали, казалось, только издали, не подлетая к нам... Нам не перебежал пути даже красный заяц». Баддаги вели их вниз узенькою, извилистою и еле заметною, но неправильною тропой, не пересекаемою видимо никакими препятствиями.

Как раз пред заходом солнечным они вышли из лесу и скоро стали встречать на пути куимбатурцев из подгорных сел. Но им не пришлось знакомить их с проводниками. Завидя еще издали толпу возвращавшихся с работы кулей, баддаги мгновенно исчезли, прыгая с одной скалы на другую, словно стая испуганных обезьян. Так чудесно спасенные англичане остались снова одни. Но теперь они находились на опушке леса и всякая опасность миновала.

Подозвав людей, они узнали от них, что находятся почти в Малабаре, в Уинди¹⁰⁹, то есть стране диаметрально противоположной¹¹⁰ Куимбатуру. Целая горная цепь отделяла их, таким образом, от водопада Колакамбе и деревни, из которой они отправились. Малабарцы вывели их на большую дорогу и к ужину они были уже под гостеприимною кровлей *мунсифа*¹¹¹ небольшой деревушки. На другое утро они запаслись лошадьми и к вечеру прибыли благополучно в знакомую им деревню, в ту самую, откуда пускались в путь в заколдованные горы ровно двенадцать дней назад.

Слух о благополучном возвращении богохульных *саабов* из обители богов разнесся по селу и его окрестностям с быстротой молнии.

«*Дивы* не наказали дерзновенных... Они даже не тронули *ферингов*, которые так смело вторглись в их, веками замкнутые от остального мира владения... Что это значит? Неужели они избранники *садду*¹¹²?» Вот что шепталось, сообщалось и передавалось из одного села в другое, пока не сделалось необычайным событием дня. Брамины хранили зловещее молчание. «Такова на этот раз, – говорили старики, – воля благословенных *див*, но что скажет будущее? Это одним им (сиречь¹¹³, богам) известно». Волнение распространилось далеко за границы уезда. Целые толпы суеверных дравидов приходили простираться пред англичанами и отдавать им все предписанные для «избранников богов» почести...

Межевщики торжествовали. «Британский престиж» пустил глубокие корни и утвердился на долгие годы у подножия Голубых гор...

¹⁰⁹ Уэнди (англ. Wendy).

¹¹⁰ против... (устар.).

¹¹¹ Староста. – Примечание Е.П.Блаватской.

¹¹² Садху (санскр. sādhu) – термин, которым в индуизме и индийской культуре называют аскетов, святых и йогингов.

¹¹³ то есть, а именно (устар.).